

© 1992 г. РУДЕНКО Д.И.

КОГНИТИВНАЯ НАУКА, ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ПАРАДИГМЫ И ГРАНИЦЫ КУЛЬТУРЫ

1

Эта статья написана в развитие идей, отраженных в работах [1—3].

Как представляется, взаимосвязь парадигм философии языка, их базисных постулатов и методов в значительной мере обусловлена взаимосвязью (более того — взаимодополнительностью, "взаимопроникновением") самих базисных языковых категорий. Приведем в данной связи точку зрения, сформулированную одним из исследователей феномена "метатеории" (которая, в общем случае, понимается как методологическое образование, концентрирующее "в себе" опыт теоретического синтеза истории науки): «Методологическими основаниями функционирования метатеории как методологической формы диалектического синтеза является отрицание отрицания и противоречие. Проблема целостности метода представляет здесь содержательный аспект анализа, а его предметной областью является "воссоздание" в теории целостности объекта» [4, с. 55]. В качестве такого целостного объекта, очевидно, может рассматриваться система (универсально)-семантических категорий языка, тесно связанных друг с другом и получающих системное разнопарадигматическое лингвофилософское описание.

Важной объективной предпосылкой снятия "противоречия" ("противоречия" как методологического основания категориального синтеза) в сфере нашего анализа является то, что оно, в определенном смысле, снимается, "отрицается" и в языковом функционировании (ср.: "Язык... ориентируется на различные сферы и функции речевой деятельности, поэтому устроен таким образом, что для него важны не противопоставления категорий (что предполагало бы их конкуренцию), а позиция одних категорий относительно других, дополнительное распределение категорий" [5]) и на уровне языковой системы как таковой. В частности, оправданно предположить, что в целом грамматические категории вполне адекватно фиксируют общую концептуальную картину мира, отражая ее наиболее базисные, инвариантные аспекты, узловые точки [1, с. 18] (о возможности применения к языковым (именным) оппозициям диалектико-логической формулы "и—и" ср. [1, с. 114]).

Ориентация на исследование определенной базисной языковой категории, с точки зрения "иной" парадигмы, разумеется, может распространяться не только на имя. Например, одну из групп проблем, возникающих при "именном" подходе к глаголу (который, естественно, изучается главным образом с позиций "философии предиката") формируют такие вопросы, как установление референциальных характеристик глагольного слова, определение денотативных статусов сочетающихся с глагольным предикатом имен субъектов и объектов, закономерности взаимодействия денотативных параметров имен и предикатов в процессе речепорождения, их влияние на формирование пропозиционального ядра коммуника-

тивной единицы, выделение классов коммуникативно сопряженных друг с другом глагольных предикатов и имен субъектов и т.п. Это проблемы функционально-отражательного (функционально-ономасиологического) характера [6]. В свою очередь, анализ ориентации самих имен на сочетаемость с предикатом того или иного типа обнаруживает некоторые их дополнительные — коммуникативно значимые — "денотативные нюансы".

Выявление некоторых именных признаков у предикатов может осуществляться и в собственно синтаксической сфере. Так, безобъектные употребления переходных глаголов обычно описываются через концепты "семантической достаточности", "самостоятельности", "сужения" (своеобразной лексикализации) значения, которые обладают прежде всего "именной" природой [7, с. 365—366].

Переходя в сферу парадигмы "философии эгоцентрических слов", можно заметить, например, что в триаде личных местоимений "я" — "ты" — "он" (рассматриваемых именно в таком порядке) наблюдается как бы дезактуализация, "размывание" некоторых эгоцентрических свойств — от местоимения я, которое не обладает каким-либо собственно "именным", денотативным содержанием ("я" — это тот, кто в данной ситуации говорит "я"), к местоимению ты, которое, выделяя в универсуме объект, не тождественный говорящему, в то же время очень тесно — и непосредственно связано с "ядром" коммуникативного акта, его центральным участником, и, наконец, к местоимению он, которое в некоторой мере является не только эгоцентрическим словом, но и именем и обладает именно "местоименной", замещающей функцией (ср. в этой связи сопоставление местоимений 3-го л. с собственными именами [8]).

2

Исследование взаимодействия различных универсально-языковых категорий — предполагающее, с той или иной мерой эксплицитности, анализ взаимодействия методов и постулатов различных парных парадигм — представляет собой одну из наиболее значимых задач теоретической (лингвистической) семантики. Эта задача в большинстве случаев может успешно решаться лишь при последовательном использовании метанаучных (метатеоретических), "рефлексивных" рассуждений. Здесь возможны параллели с ситуацией, прослеживающейся в развитии логического знания: «как раз в пунктах "стыковки" теорий, логических оснований их методов, образно говоря, ответственность за переоформление чисто формальных антиномий в антиномически-проблемное знание несут на себе "рефлексивные" принципы... И чтобы рефлексивное знание в процедуре "включения" противоречия состоялось как "реально-логическое", а видимость диалектики объекта... все более трансформировалась в действительность ("опредмеченные" состояния теории), для этого необходимо, прежде всего, осознать внутреннюю логику объективации знания на уровне не только категориальных (понятийных), но и "рефлексивных форм" научного мышления» [4, с. 9—10].

В современной теоретической лингвистике достаточно отчетливо намечаются контуры метода, который можно назвать "методом перекрестных корреляций". Речь идет о прослеживании разнообразных (даже разнонаправленных) корреляций между соотношением аспектов языкового явления и соотношением лингвистических идей, так или иначе относящихся к этому явлению [9, с. 10—11]. Возможны и более универсальные соображения о роли языка (знания о языке) в рефлексивных моделях: "В обращении к языковой проблематике... ищется средство преодоления антирефлексивизма как логически первичной реакции на исчерпанность рефлексии традиционного типа" [10]. Перспективным (во всяком случае, наиболее очевидным) на таком пути является исследование категорий и концептов, входящих в сферу "третьей парадигмы" философия языка — прагматической (или,

по П. Серью [P. Seriot], "четвертой", когнитивной)¹. Эти категории группируются прежде всего вокруг категории "текста", эксплицирующей диалогическую природу гуманитарного познания, диалог как принцип, который раскрывает сущность понимания [11, с. 119—121; 12, с. 132—133]. Поскольку, в свою очередь, прагматическая парадигма имеет отчетливо выраженный общекультурный ореол, "текстуальные" ориентации лингвистического — металингвистического — анализа позволяют последовательно распространить рефлексивный подход не только на собственно внутринаучное развитие, но и — по В.С. Библеру — на бытие науки в сфере культуры ("Есть рефлексия выхода из теории — в культуру, рефлексия "входа" из культуры — в теорию" [13, с. 303]). Таким образом, внутритеоретическая рефлексия смещается в метатеоретическую плоскость, порождая важные философско-методологические импликации.

Представляется, что одно из важнейших направлений интерпретации знания, приобретенного в сфере отдельных парадигм философии языка, сейчас состоит в осознании необходимой взаимосвязи этих парадигм и выявлении как объективных ("онтологически-языковых") предпосылок такого положения дел, так и специфики реального историко-научного "воплощения" (или даже "невоплощения") этих предпосылок, а следовательно, — общего теоретического и социокультурного фона их реализации.

Взаимодействие лингвофилософских парадигм может проявляться в более или менее непосредственном сопряжении (совместном использовании) их постулатов, методов, понятий (ср.: "Завершив описание прагматики или находясь близко к его завершению, парадигма начинает новый виток спирали — описанием семантики, за которым последует, вероятно, описание синтактики, но уже обогащенное прагматикой, и, наконец, снова описание прагматики на новом, более высоком уровне" [14, с. 255]). Возможны и более сложные ситуации. В частности, по Ю.С. Степанову, на современном этапе развития науки о языке синтез разделенных парадигматических подходов стал осуществляться в совершенно новом научном пространстве — в сфере когнитивных проблем: «Контуры новой парадигмы представляются, в общих чертах, следующими: семантика, синтактика и прагматика "выбрасывают антенны" — через посредство комплекса когнитивных проблем — в сферы биологии... с одной стороны, и в сферы мифологии, "глубинной мифологии"², "концептуализированных областей" (термин С.Г. Проскурина), культурных концептов. В свою очередь, обе сферы обнаруживают тенденцию к смыканию» [15, с. 10].

Впрочем, когнитивные подходы к языку могут содержать и элементы традиционного взаимодействия парадигм. Так, одной из импликаций трактовки — отчетливо прагматической по своей природе — языка как "процесса формирования мира в устно-слуховом артикуляционном контакте" является утверждение о том, что "когда язык и мир так тесно связаны, результат — просто новый всеобъемлющий номинализм... Эта позиция не редуцирует все к языку, но подтверждает полную лингвистичность всего установления человеком смыслов" [16, с. 105]. При обосновании данного подхода используются концепты ("часть" — "целое"), обладающие отчетливой дискретизирующей, "именной" аурой.

¹ Здесь мы не уделяем внимания анализу различий между концептами "прагматического" и "когнитивного". В некоторых случаях, однако, они могут быть достаточно существенны. Например, в традиционной культуре решение поведенческих задач «постоянно носит такой характер, что индивид оказывается полностью "погруженным" в деятельность и ничто в ней самой не облегчает ему выход за пределы своего эмпирического "Я", занятие по отношению к себе рефлексивной позиции стороннего, контролирующего наблюдателя» [11, с. 50]. Возможно, есть смысл постулировать соотнесенность "когнитивного" с развитыми рефлексивными структурами и структурами "категоризации поведения" [11, с. 67]: в таком случае "прагматическое" — "эгоцентрическое", не связанное с рефлексией, не вполне тождественно "когнитивному" (по крайней мере трактуемому в узком смысле).

² Ср., например, "архетипы" в смысле К. Юнга.

В контексте наших рассуждений можно остановиться и на концепции "текста как имени". Характерно, что некоторые идеи, сформулированные в ее рамках, имеют явную метатеоретическую (точнее, интертеоретическую) направленность: "Концепция текста как сложного имени особого рода, не будучи инструментом спецификации парадигматических отношений на текстовом уровне, позволяет установить механизмы взаимодействия конституентов различных языковых парадигм в плане их функциональной связи в макропарадигме лингвистического знания" [17].

Некоторые понятия, используемые в той или иной лингвофилософской концепции, могут являться симптомом того, что эта концепция однозначно не входит в сферу какой-либо одной "философии языка" и совмещает в себе черты различных парадигм. Одно из понятий такого — плюралистического — рода представляет собой, как кажется, понятие "интенциональности".

Наиболее естественно и последовательно понятие "интенциональности" сопрягается с понятиями из сферы прагматической парадигмы философии языка, прежде всего с теми, которые отражают различные характеристики речевого акта. По Серлу, например, связующие звенья между интенциональными состояниями и речевыми актами естественным образом формируют определенное представление об интенциональности: каждое интенциональное состояние содержит некоторое репрезентативное содержание в определенном психологическом модусе [18]. Очевидно, и при данном подходе концепт "интенциональности" включает денотативный компонент, по крайней мере "пресуппозицию" (ср. общую трактовку интенциональности как направленности). Однако такое положение дел является достаточно тривиальным. К тому же, по определению, вполне возможны ситуации, когда у интенционального состояния, не переставшего считаться — и являться — интенциональным, "направленным", отсутствуют интенциональные объекты.

Большой интерес — в плане взаимодействия именного и прагматического в концепции (концепте) интенциональности — представляют случаи, когда понятие "интенциональности" может использоваться для описания собственно именных явлений. При этом некоторые аргументы в пользу такого подхода имплицитно представлены уже в философии Э. Гуссерля.

Так, несмотря на то, что, по Гуссерлю, интенциональный предмет полностью определяется актом интенционального переживания, философ включает в сферу анализа и проблему "материальных вещей". Помимо свойств интенциональности и трансцендентности, материальной вещи приписывается признак "самости", означающий, что интенционально-трансцендентный предмет "материальная вещь" существует как бы ради самой себя, из-за самой себя. Допустимо предположить, таким образом, что Гуссерль в гносеологической форме по существу уловил и признал действительную бытийную независимость и самостоятельность, т.е. объективную реальность вещей [19, с. 96]. (В контексте наших рассуждений представляет интерес и трактовка понятия "отношение — к" у Х. Гадамера; в частности, в его интерпретации отношение — не столько психологическая диспозиция, сколько перспектива или определенного рода соответствие, позволяющее держаться настолько независимо от того, что встречается в мире, что можно представить (мир) для себя таким, каков он есть [16, с. 89].)

Сходным образом в лингвистике даже чисто грамматические ("неденотативные") трактовки "предметности" как категориального значения имени (существительного) обычно базируются на хотя бы имплицитном понимании материального (целостного) предмета как своего рода денотативной модели предметности. Ср. в этой связи у Гуссерля понимание мира "материальных вещей" как "презумптивной", предполагаемой, вероятной реальности [19, с. 95—97], которое, пожалуй, может быть достаточно рационально интерпретировано в лингвистическом плане. В частности, "материальный предмет" является не единственным, но наиболее вероятным объектом обозначения слов со значением "предметности" [1, с. 58—61].

Примером логико-семантической теории, использующей понятие "интенциональности" с отчетливо "именными" коннотациями, может служить концепция К. Айдукевича. "Интенциональный предмет" у Айдукевича оказывается — хотя и не вполне эксплицитно — достаточно близок к "материальному предмету" и описывается в соотношении с понятием (материального) тождества объекта самому себе [20]³. В некоторых (лингво) философских системах постулируется подчиненность (зависимость) интенционального предмета по отношению к предмету, определяемому как "реальный" (Р. Ингарден) или даже прямо как "материальный", "физический" (М. Вартофский) [1, с. 60—61; 7, с. 371].

Могут быть установлены и достаточно нетривиальные (т.е. не сводящиеся к указанию на то, что определение "интенциональности" как направленности так или иначе коррелирует с концептом "отношение") связи понятия интенциональности с понятиями из сферы "философии предиката" (синтактической парадигмы философии языка). В этой связи, например, можно указать на точку зрения, согласно которой успешное распознавание интенции говорящего зависит от объема и параметров информации, входящей в интенционал употребленного предложения [22].

Важно отметить, что понятие "интенциональности" играет важную роль и в новой — когнитивной — парадигме, контуры которой проступают в философии языка, выполняя в ней также интегративные функции: "Погружение семантики, а отчасти и прагматики (поскольку они тесно связаны), в сферу когнитивных проблем обнажает проблему интенциональности в ее как чисто человеческом, так и эволюционно биологическом аспектах" [15, с. 9].

Еще одним понятием, свидетельствующим о "парадигматической плюралистичности" концепции, в которой оно используется, является понятие внутренней формы. В частности, единицы внутренней формы, трактуемые как значения морфем и обладающие, следовательно, дискретизирующей, именной природой, могут в то же время рассматриваться как своего рода точки преломления иных категорий и аспектов языка — предикатных и эгоцентрических (точнее, "коммуникативно-центрических"). Так, в системологии, для которой понятие внутренней формы является особо значимым (ср. прежде всего концепцию Г.П. Мельникова, тесно связанную с идеями фон Гумбольдта [23]), предполагается, что означающие единицы имен могут ассоциироваться, через свои значения, с единицами целочастной картины мира, порождая таким образом когнитивную — именно когнитивную — предикацию. (Подобный подход позволяет избежать непосредственно психологического — как бы "утрированно-прагматического" — понимания "внутренней формы", при анализе которого, в частности, становится очевидным, что признак, положенный в основу номинации, далеко не всегда воспринимается носителями языка как наиболее значимый из признаков объекта.)

Плюралистичный ("разнопарадигматический") характер в последнее время все более очевидно приобретает и лингвофилософское понятие "возможного мира". Классическое — "реалистическое" — понимание возможного мира, тесно связанное с проблемой статуса индивидов в возможных мирах, обладает прежде всего именной, объективирующей направленностью (ср., например: "В семантике возможных миров произвольной интерпретации противопоставлено реалистически

³ Так, Айдукевич рассматривал интенциональные контексты как дефектные, по крайней мере сомнительные, с логической точки зрения. Отчасти по этой причине он не анализирует такие контексты, в которых тождество денотации не обеспечивает взаимозаменяемости выражений. Можно привести здесь формулировку, по которой два выражения в данном языке означают одно и то же (*znacza to samo*) тогда, когда мы готовы применить к предмету (репрезентированному в определенном аспекте) как первое, так и второе выражение [21, с. 132]. Отметим также точку зрения, по которой дефиниция эквивалентности (по определению, два выражения А и А' являются эквивалентными, если каждому истинному предложению с А соответствует истинное предложение, образованное от него путем включения А' вместо А, и наоборот) "в случае имен дает дефиницию объема имени (в терминологии Милля — денотации)" [21, с. 164].

понимаемое понятие возможного мира" [24, с. 36]). Особо явственно денотативные, агносеологические коннотации концепта возможного мира прослеживаются в той его интерпретации, которая представлена у Д. Льюиса и С. Крипке (vs. Я. Хинтика).

У Крипке, в частности, намечается своего рода противоречие между определением возможного мира как познавательной (все же) сущности ("Возможные миры задаются, а не открываются с помощью мощных телескопов" [25, с. 267]) и отказом от исследования дескрипций, "существенных признаков" как средств идентификации объекта в возможных мирах.

В последние годы, однако, отчетливо намечается тенденция к более "гносеологизированной" трактовке семантики возможных миров (ср., например: "подлинными альтернативами являются модальные альтернативы определенного положения дел...; такая постановка вопроса предполагает контрфактическое использование языка" [26]). Это относится прежде всего к возможным мирам, интерпретируемым в духе Я. Хинтики, всегда постулировавшего первичность, по крайней мере концептуальную, возможных миров по отношению к индивидам [24, с. 31]. По Хинтике, в частности, такая семантика "...всегда представлялась ... аналогичной исчислению вероятностей (с которой она и в самом деле тесно связана), т.е. мыслилась в своих приложениях такой, что рассматриваемые в ней альтернативы не должны были быть обязательно состояниями космологии или мировой истории; эти альтернативы могли рассматриваться как "небольшие миры", как альтернативные пути, по которым мог пойти эксперимент" [27, с. 3]. При таком подходе в сферу анализа входят не только — вполне очевидные — прагматические, шире — когнитивные моменты (ср.: "то, что я назвал перцептуальным прослеживанием альтернатив, должно иметь ситуационную природу. Потому что каждая из них должна кем-то восприниматься, и все они должны иметь перцептуальное пространство воспринимающего" [27, с. 4]), но даже некоторые "предикатные" коннотации.

Интересно, что сам Крипке в работах конца семидесятых годов [28] вводит и подробно разрабатывает речевое, прагматическое по своей направленности понятие "референции говорящего", которая определяется как специфическое, соотносимое с конкретными обстоятельствами (on a given occasion) намерение (интенция) говорящего осуществить референцию к некоторому объекту. "Семантическая референция" трактуется как общая интенция говорящего к осуществлению референции, не зависящая от обстоятельств употребления десигнатора. Возможно, было бы проще описать это различие с помощью лапидарной формулировки К. Доннелана ("People refer and expressions refer" [29]), но это не совсем то, что имеет в виду Крипке. Последний включает указание на говорящего даже в понятие "семантической референции", как бы компенсируя проявляющееся в его более ранних работах невнимание к этому аспекту языка. Позиция "позднего" Крипке, как кажется, имеет черты сходства с развитой Р. Монтегю трактовкой значений как функций от возможного мира и контекста употребления, служащих целям актуальной интерпретации выражений [30; 1, с. 239—240].

Разумеется, возможно обнаружение и других лингвофилософских концептов, обладающих — с той или иной степенью очевидности — разнопарадигматической, "плюралистичной" природой. Показательно в этом смысле, например, понятие субъекта (как оно используется в лингвистике) [7, с. 375—376], фрейма [9, с. 4—5]. Можно предположить, что достаточно полная система понятий рассматриваемого типа (когда она будет построена) в значительной мере совпадает с системой понятий, которые являются базисными для философии языка, а последовательное выявление связей между входящими в нее концептами позволит даже прогнозировать появление некоторых новых идей лингвофилософской направленности.

Говоря о тесной взаимосвязи парадигм философии языка, можно предположить, однако, что одна из них является наиболее "либеральной", наиболее терпимой к инопарадигмальным концептуальным включениям. (Представляет интерес в этой связи точка зрения, согласно которой в рамках "архетипов теоретического мышления" — сопоставимых, по крайней мере по объему, с парадигмами в их метатеоретическом понимании — "...могут сосуществовать и конкурирующие теоретические построения, но все они должны подчиняться некоторым общим требованиям, заложенным в архетипе" [31].) По-видимому, это — парадигма философии имени, наиболее развитая и обладающая наиболее длительной историей из парадигм философии языка, выполняющая в ней функции своего рода классической парадигмы. (В свою очередь, постоянное обращение — разумеется, с большей или меньшей долей критицизма — к интерпретациям (и "переинтерпретациям" — *reinterpretation*) научной "классики" является одним из основных факторов, обеспечивающих континуальность наук — прежде всего социальных [32, с. 3—4; 33, с. 138—139]).

Приведем в данной связи точку зрения Ю.С. Степанова, согласно которой в области философских проблем языка исследователи постепенно снова возвращаются к уже оставленным вопросам, прежде всего к семантике (даже к семантике имени), дополняя и обогащая ее описание идеями, полученными в сфере "предикатной" и "эгоцентрической" парадигм [14, с. 255]. Во всяком случае, трудно представить себе, чтобы кто-либо из представителей философии имени оказался — в нынешней лингвофилософской атмосфере — в такой же мере нетерпимым по отношению к, скажем, прагматической парадигме, в какой представители последней могут быть агрессивны по отношению к парадигме именной [34; 1, с. 37—39].

Существуют и косвенные свидетельства (определенной) концептуальной плюралистичности философии имени. Так, в лингвистических идеях философов львовско-варшавской школы, в которой, по удачному выражению Я. Ядацкого, осознание своеобразия не проявлялось в ксенофобии по отношению к другим философским школам, а полемики лишь изредка затрагивали сферу фундаментальных предпочтений, достаточно отчетливо заметна доминанция, акцентирование концептов и идей из сферы философии имени, причем это относится не только к К. Твардовскому и Т. Котарбиньскому [35—37], но и — с некоторыми оговорками — к К. Айдукевичу, использующему в своих построениях многие понятия из сферы прагматической философии [20].

По-видимому, постулируемый плюрализм философии имени в общей тенденции обусловлен тем, что имя наиболее отчетливо воплощает в себе некоторые свойства слова как базисной единицы языка, прежде всего — способность к отчетливому членению континуума действительности. (В этом смысле концепт "дискретности" действительно оказывается одним из средств анализа конкурирующих концепций "на однообразной категориальной основе" [38].)

Здесь возможна любопытная параллель с той трактовкой символа (и его роли в средневековом стиле мышления), которую развивает В.Л. Рабинович. Указывая, что символ — "...живой знак вещи, но и ее отвлеченная идейная образность; но такой знак, который никак не связан с непосредственным единичным содержанием, зато указывающий на самобытность вещи. Опять — выход в мир самоценных вещей, в удвоениях-подобиях не нуждающихся. Символ вещи есть взаимопронизанность означаемой вещи и означающего ее образа" [39, с. 67], Рабинович отмечает: "Многие из названных здесь общих характеристик символа противоречат друг другу, уничтожаются одна другой. Но фокус в том и состоит, что эти атрибуты символа в живом символе всегда существуют — сразу и вместе" [39, с. 67]. Если интерпретировать это суждение в терминах концепции парадигм философии языка (символ в единстве — "живом", динамичном единстве — совмещает как денотативные, так и прагматические, "когнитивные"

черты), его вполне можно соотнести со словом, даже с именем. (Очевидно, концепты символа и символизма входят прежде всего в сферу именной парадигмы философии языка.) Отметим также точку зрения, согласно которой к особенностям средневекового стиля мышления относится "принципиальная незамкнутость слова, постоянное его самоусовершенствование, саморазвитие, миллениаристская установка, т.е. стремление восстановить утраченный смысл" [40, с. 14].

Кстати, идею Рабиновича о "квазисимволическом" характере форм средневекового сознания [39, с. 70] допустимо истолковать в том смысле, что в последнем на первый план выдвигаются не собственно денотативные параметры слова ("подобие"), а личностно- (впрочем, не только личностно-) прагматические, когнитивные (в том числе связанные с приращением нового знания у адресата): "Не просто сказать секретное Слово в его всеобщем обобщенном звуке, но сообщить его — в общемительном собеседовании, и потому научить ему" [39, с. 82]; "Узнавание менее всего идет через расшифровку божьего Слова и его прославление. Оно идет по другому пути: через вочеловечение Слова" [39, с. 85]; "Суметь в слове воспроизвести Смысл, высветить его и потому воспринять его как смысл божественный, но и как смысл самого себя, своей жизни ([39, с. 109]; ср. [41, с. 86—87]).

Еще одним интересным историко-философским свидетельством концептуальной плюралистичности "философии имени" — и, шире, "именной" интерпретации действительности — может служить то, что социологически философский номинализм почти всегда связан с попытками разрушения застывшего, лишенного наглядности и жизненности, чисто понятийного мира стабильных культурных форм (ср. в этой связи антисхоластические тенденции в западном христианстве, суфизм в арабском мире, философию Спинозы, антитезу Лао-цзы и Конфуция; в развитии виде такая трактовка номинализма представлена у М. Шелера [42, с. 159—160, 168—170]). В определенном смысле "номинализм", следовательно, оказывается "антиименным" ("антиноминальным") течением: подчеркивание условности связи имен и реальности, носящее "революционно-прагматический" характер, может отодвигать на второй план собственно денотативные характеристики имени. (Интересно, впрочем, что такой подход сочетается с переоценкой онтологической значимости вновь концептуально осваиваемых областей реальности: "весь мир, или возможно большая его часть, интерпретируется по аналогии с фаворизируемой областью" [42, с. 170].) "Номинализм" в философии, таким образом, обладает некоторыми прагматическими (прагматически-когнитивными) чертами; характерно, например, что в наиболее радикальных номиналистических течениях часто подчеркивается значимость интроспекции непосредственного знания, интуиции (противопоставляемых рациональным формам познания) ([42, с. 169]; подробнее см. [7, с. 379—380])⁴.

⁴ Интересно, что анализируемые свойства "именной" ("денотативной") интерпретации реальности могут проявляться и в различных сферах искусства. К примеру, один из исследователей творчества художника Владимира Брайнина отмечает: «Иррационален сам взгляд на мир, который видит все происходящее как изначально странное, то есть то, что не может быть разумно объяснено и не делает различия между логичным и нелогичным. Здесь-то и важен объектив фотоаппарата — воплощение такого абсолютно неосмысленного взгляда, жадно собирающего в себя все. В чем это проявляется?... У Брайнина это — утрированная, всепоглощающая перспектива "рыбьего глаза", раздвигающая края картины... Даже когда Брайнин пишет с натуры, он пишет то, что остается в воспоминании, то, что больше фрагмента времени и пространства» (цит. по [43]). Интересно привести также суждение о лирике Э. Дикinson, в котором достаточно отчетливо выявляется когнитивный ореол именного стиля в поэзии: "Дикinson стремится к предельной точности в назывании и обозначении каждого предмета или явления, в то же время она любит недоговоренности, умолчания, загадки. Ее цель — избегая определенности, все-таки добиться той же определенности" ([44]; ср. [14, с. 76—77]). Наконец, имя, трактуемое в прагматическом и/или когнитивном плане, может эксплицитно противопоставляться слову, как, например, у О. Мандельштама: "Явления или события жизни осваиваются, освоенное явление получает имя — слово становится именем, хотя вещь, сейчас названная, существовала, возможно, раньше" [45, с. 31]; ставшее именем слово открывается глубинно уже в тексте [45, с. 36].

Таким образом, представляет бесспорный интерес анализ парадигм философии языка и их взаимосвязи в широком социально-культурном контексте.

Достаточно близок к намеченной нами исследовательской ориентации предложенный С.Г. Проскуриным подход (соотносящийся с методом концептуального анализа), в котором при исследовании лексических единиц того или иного типа во внимание принимаются смысловые параметры культурной парадигмы. "Данный подход и его методы предполагают отказ от исследования групп лексем, лексических полей ради них самих и интерпретации лексико-семантических областей как собственно языковых феноменов" [46]. В частности, сведения о культурной парадигме эпохи (той или иной культурной теме в ней) позволяют верифицировать языковые семантические реконструкции. Заметим, что важную роль в подходе Проскурина играет концепт фрейма, обладающий разнопарадигматической природой; при этом подчеркивается, что "явление, которое мы постулируем (т.е. существование групп слов, мотивированных и взаимно структурированных той областью знания, которая их объединяет. — Р.Д.), отличается от собственно фрейма диахронической многослойностью, вытекающей из смены культурных представлений" [47].

Вообще парадигмы философии языка могут рассматриваться не только в соответствии с собственно научными теориями, но и в более широкой сфере концептуального знания, которое, как предполагается, в большей мере, по сравнению с любой теорией, интегрировано в живую ткань культуры: концептуальное знание трактуется как наиболее самостоятельная и устойчивая часть человеческих знаний (концепт — как универсалия некоторого уровня обобщения) [48]. В описании "концептуального знания" важную роль играют понятия "интерпретации", "переосмысления", "концептуального плюрализма", "адекватности метода реальности", безусловно значимые для анализа взаимодействия парадигм философии языка.

Примером концептуального подхода в лингвофилософском анализе может служить сопоставление парадигм философии языка с определенными идеями современной политологии. Немалый интерес в этом смысле представляют работы П. Серьо о языке советской социалистической культуры прошедшего периода [49].

Более глубокому осмыслению лингвофилософских концептов и построений способствует, как кажется, и рассмотрение специфики парадигм философии языка в связи с идеями "социологии знания". Такая возможность вытекает уже из трактовки парадигм как такого уровня опредмечивания методологического сознания, когда последнее, в предметном выражении, "... приобретает категориальный характер, предполагает учет категориального строя мышления тех либо иных эпох" [50].

Возможно обнаружение определенных параллелей между движением (развертыванием) лингвофилософских парадигм от философии имени к философии предиката и, далее, прагматической философии и развитием социокультурных типов (стилей) мышления — по крайней мере, в их европейском (европеизированном) воплощении, связанном с универсально-понятийным — по М.К. Петрову — типом социального кодирования.

Например, аристотелевско-средневековый ("телеологический", "биоморфический") стиль мышления включает в себе предпосылки прежде всего философии имени, чем, по-видимому, отчасти объясняется то, что философия имени "... была первым из трех направлений, по которому устремились философы языка" [14, с. 9]. В частности (по М. Шелеру), идею, лежащую в основе данного стиля мышления, можно сформулировать в двух утверждениях: "Каждая вещь хороша в той мере, в какой она существует (ist) и плоха в той мере, в какой не существует (nicht ist)" и "Каждая вещь представляет из себя в иерархии добра и зла добро и зло тем большее, чем более автономен вид существования, которым она характеризуется" [42, с. 190]. Концепты автономности, иерархии, зависимости

аксиологического статуса объекта от его существования или несуществования (т.е. от онтологического параметра) обладают — метафорически (впрочем, скорее "метонимически") выражаясь — прежде всего именной природой.

Характерно, что понимание мира как иерархии ценностей, во главе которой находится *summum bonum*, то есть сам Бог, который автономен в наибольшей мере (*est a se et per se*), отчетливо коррелирует с трактовкой имени Бога ("подлинного" *JHWH*) как "вершинного", "максимального" имени, в соответствии с которым все остальные имена оказываются ущербными: "Если бы кто-то смог понять или назвать такое единство, которое, будучи единством, есть все, и, будучи максимумом, есть минимум, то он постиг бы имя Божие. Но поскольку имя Божие есть Бог, его имя тоже знает только тот ум, который сам есть максимум и сам есть максимальное имя... Отсюда ясно, что утвердительные имена, которые мы приписываем Богу, его бесконечно умаляют" [51]. Интересно, что именно в средневековой схоластике можно обнаружить одно из наиболее близких исторических соответствий концепции С. Криппе, трактующего имена как жесткие, адескриптивные обозначения [52].

Важно подчеркнуть также, что в биоморфической модели мира "...структурами управляет вневременная динамика, а не временной, эволюционный процесс. Структура форм общества, органической и мертвой природы, неба в мире Средневековья всегда одна и та же стабильная иерархия сил (*Macht*) и существований, одновременно представляющая собой чисто аналитически выведенную иерархию ценностей" [42, с. 193]. Эта формулировка соотносима и с представлением о том, что в системе имени и, шире, узультно-языкового отражения действительности пространство (с коннотацией стабильности) в определенной степени доминирует над временем (другими словами, является более существенным, чем время, параметром дискретизации универсума) [1, с. 50—51], и даже — хотя опосредованно — с менее очевидной идеей, согласно которой имя, на фоне других смысловых категорий, наиболее тесно связано с параметром аналитичности (ср. в этой связи возможность — хотя и не вполне однозначную — рассмотрения имени в соотношении с концептом внутренней формы [34]).

Характерно, что концепты из сферы философии имени (стабильность, замкнутость, целостность и т.д.) часто используются для описания теоретико-гносеологических построений анализируемой модели мира. Отмечается, например, что застывшее, статуарное понимание истины соответствует античной эпистеме, накладывает на античное знание свои ограничения, удерживает его в пределах целостности, замкнутости, самодовления [41, с. 43]. Эпистема (имеются в виду прежде всего философские концепции Платона и Аристотеля) "...требует, чтобы покой был предпочтительным, по сравнению с движением" ([41, с. 51], ср. также с. 74—75); (ср. в этой связи о гносеологическом протезировании "покоя" в сфере имени [1, с. 50—51]).

Как представляется, механистический стиль мышления (который приходит на смену биоморфическому, телеологичному) оказывается — по своей общей концептуальной ауре — более близким к философии предиката, чем стиль мышления, ему предшествующий. Действительно, в механической картине мира на первый план выходит внешний тип связей, основанный (в социальной сфере) на межличностных контактах, а не на некоторой — генетической или психической — жизненной общности [42, с. 160]. Для "новой науки" (*nova scientia*) характерно превалирование категории отношения над категорией субстанции и ее акциденциями, категории количества над категорией качества, логики реляционистского мышления над субсумпционной логикой силлогизмов, категории движения — непрерывно продуцируемых пространственных форм (в соответствии с аналитическими формулами) — над категорией качественного вида пространства (аналитическая геометрия Декарта) [42, с. 182; 53, с. 91—92]. На месте мира, концептуализируемого главным образом в пространственных формах, с вневременной динамикой, появляется схема становления во времени, в которой

регулярным образом возникают и исчезают все новые и новые формы (общества, органической и неорганической природы) [42, с. 195].

В гносеологии Нового времени прослеживается деонтологизация знания и языка, сведение языка к комбинаторике знаков, трактовка активности сознания как комбинаторики простых знаков [40]. Вытесняются представления об иерархической упорядоченности всех сфер сотворенного мира [53, с. 64—65; 70—71; 76—81]. Мир перестает восприниматься в его непосредственной, реальной чувственной полноте [53, с. 146—147] (ср., в этой связи, о значимости параметра чувственного для философии имени [1, с. 92—93]). В лингвофилософском плане все это можно рассматривать как размывание именной ауры (точнее, именных импликаций) общекультурного стиля мышления.

Вообще говоря, предполагается (по мысли Ю.С. Степанова), что философия предиката в развитом виде сформировалась только к началу XX в.: "В течение 20—30 лет, на рубеже веков, создалась новая картина языка, соответствующая новой картине мира и ее философским константам. Прежде всего она отвечала, несколько отставая от них, новым физическим представлениям о мире" [14, с. 125]. Тем не менее, уже в работах классиков "новой науки" можно обнаружить формулировки, имеющие отчетливо предикатную, "синтаксическую" направленность. Такие суждения часто обладают — например, у Декарта, Локка [7, с. 390—391] — также аксиологической аурой. Это особо значимо в том смысле, что в механистической картине мира ценность представляет собой одно из наиболее базисных понятий, охватывающее все сферы реальности, причем различение ценностей ряда типов субъективизировано и релятивизовано к человеку ([42, с. 196—197]; ср. [53, с. 82—83; 116—117]). Отметим также выраженный вероятностный оттенок эпистемологии Нового времени [53, с. 117—118, 124—125]. В свою очередь, в применении к языку такой подход обычно предполагает акцентирование сочетаемостного, шире — комбинаторного аспекта языковых единиц [7, с. 374—375]. (Впрочем, аналитическая природа английского языка, в соотнесении с категориями которого разрабатывались — по М.К. Петрову — многие категории философии Нового времени, очевидно, несколько тормозит лингвофилософскую разработку названных проблем. Ср.: "Отсутствию во флективных языках жесткого порядка слов мы обязаны проявлением философских категорий альтернативности, противоречия, выбора, цели, возможности и действительности. Их нельзя было бы осмыслить и формализовать на основе аналитических языковых структур" [33, с. 185].)

По М. Шелеру, «только разрушение механистической теории природы в современной физике, биологии и психологии кладет начало новому способу подлинного преодоления обеих теорий [т.е. как "биоморфической", так и "механистической" — Р.Д.] субъективности форм, качеств и ценностей и абсолютного дуализма ценности и существования» [42, с. 197]. Односторонняя система категорий механистического типа мышления постепенно размывается, однако на смену ей приходит биоморфический тип мышления Средневековья, а новая синтетическая концепция мира и знания, преодолевающая противопоставление телеологической и механической связи через познание общей формы основного закона природы. Последняя не является ни механистической, ни телеологической и находит свой социологический коррелят в новой сущностной форме человеческого объединения, начиная преодолевать форму как жизненной общности, так и непосредственной связи. Это проявляется в солидарном объединении незаменимых личностей-индивидов (*Personindividuen*) [42, с. 199].

Последняя часть суждения Шелера порождает прямые ассоциации с некоторыми идеями из сферы современной философии эгоцентрических слов. Ср., например, мысль Ю. Хабермаса о том, что смысл понятия "индивидуальность" может быть объяснен лишь "...через обращение к концепции самости субъекта, субъекта, который презентует и в конечном счете оправдывает себя *vis-à-vis* к другим сторонам в качестве несомненной и незаменимой личности. Эта концепция

самости, какой бы расплывчатой она ни была, обосновывает самоидентичность человека" ([54]; анализ см. [1, с. 248—249] и [14, с. 125])⁵.

Как представляется, последовательное соотнесение концепции парадигм философии языка с концепцией социокультурных типов мышления (в той или иной ее модификации) позволяет рассматривать смену лингвофилософских парадигм как проявление общих закономерностей развития познания, в некотором отвлечении от личностных — реализовавшихся в истории науки — парадигматических воплощений. К тому же в определенном смысле социокультурный анализ парадигм даже увеличивает значимость исследования научно-индивидуального, так как существенно расширяет сферу, в которой оно реализуется.

Намеченный подход, по-видимому, может оказаться адекватным и при рассмотрении так называемых "межпарадигматических" периодов" (термин Ю.С. Степанова) в развитии философии языка, характеризующихся отсутствием отчетливой выраженности черт той или иной парадигмы, смешением парадигматических признаков. Это связано с тем, что основные социокультурные типы мышления допустимо интерпретировать в терминах различных парадигм философии языка [7, с. 392—395].

Так, "биоморфический" стиль мышления, базисным для которого является концепт автономности, — именной по своей природе, но в то же время обладает и предикатными коннотациями, причем такими, которые непосредственно связаны с названным понятием: "Относительно автономное бытие представляет собой действие, бытие менее автономное подвергается его воздействию" [42, с. 192]. В рассматриваемой картине мира существенную роль играет "идея иерархического порядка активности форм, которые одновременно определяют развитие, существование и качественные характеристики каждой вещи" [42, с. 194]. Достаточно отчетлива (несмотря на своего рода имплицитность) и эгоцентрическая аура рассматриваемого стиля мышления (Ср., в частности, выше о лингвофилософской плюралистичности философии имени. В общем виде это обусловлено тем, что для любой разновидности универсально-понятийного кодирования значимо субъект-субъектное отношение [33, с. 145—146].)

С другой стороны, механистический стиль мышления, который соотносится прежде всего с философией предиката, содержит как именные, так и прагматические моменты. Здесь можно упомянуть, например, ситуацию (характерную для познавательного освоения новых областей универсума), когда конкретная сфера познания "... рассматривается как независимая переменная всех изменений мира" [42, с. 170]. (Кстати, подобным модельным объектом может быть "тело". Так, у Декарта «понятие тела распространяется... на всю природу, которая отождествляется с "протяженной субстанцией"» [56, с. 17]; об именных коннотациях концепта тела см. [1, с. 28—36].) Сама ориентация на познание механистических, внешних связей предполагает относительно четкую выделенность — если не из универсума, то в универсуме — объектов, вступающих в эти связи (применительно к языку см. [57]). Важно подчеркнуть, что значимость "(отдельного) объекта" выводится и из анализа собственно гносеологических (обладающих аналитической природой) явлений: "Путем описанной процедуры — следовать естественному сцеплению ясных и отчетливых идей — мыслящее сознание доходит до открытия другой субстанции — тела" [56, с. 16].

Выше уже упоминался эгоцентрический, личностный оттенок рассматриваемого стиля мышления. В частности, в картине мира Нового времени наиболее убедительным начинает представляться образ мира как механизма, устройство которого доступно контролю мысли [53, с. 153]. В свою очередь, такая ценностная

⁵ Здесь также возможны любопытные параллели с феноменами из сферы искусства. Ср. у А. Гениса: "Современный писатель, избавляясь от поэзии, остается с голой, обнаженной до болезненного неприличия правдой, правдой о себе. Книга превращается в текст, автор — в персонажа, литература — в жизнь... В результате расфокусировки авторского сознания писатель и читатель меняются местами. Первый распахивает душу, второй в ней копается" [55].

ориентация тесно связана с протезированием самосознающего типа личности [53, с. 22]. Можно привести в этой связи суждение Локка, согласно которому для того чтобы хорошо выразить строго последовательные и целесообразные мысли, человеку "необходимо иметь слова, показывающие, какого рода связь, ограничение, различие, противоположение, подчеркивание и т.п. он придает каждой данной части своей речи" ([58]; см. также [7, с. 390—391; 57]).

Наконец, с еще большей очевидностью именное, предикатное и эгоцентрическое — при ведущей роли последнего — соединяются в синтетической картине мира (и соотносящемся с ней типе мышления). Так, важную роль в синтетической модели играют концепты целого и динамики, очень тесно связанные друг с другом [42, с. 197—198]. Здесь просматриваются определенные параллели с моделью мира, сложившейся в современном — причем "современном" с точки зрения не М. Шелера, а "автора 1992 г." — естествознании: "целое уже не собирается из кубиков частей, а формирует в своем развитии либо свой элементный состав..., либо части из наличных элементов среды... Развитие целого детерминировано законами лишь на определенных этапах между пунктами, где возникают ситуации выбора... и случайность необходимым образом определяет рождение новой необходимости" [59]. С другой стороны, как уже говорилось, социологическим коррелятом синтетической картины мира становится такая социальная общность, которая представляет собой (точнее, пожалуй, "интерпретируется как") солидарное объединение незаменимых личностей-индивидов.

Отчетливое возрастание значимости человеческого фактора в описании естественнонаучного знания и в естественнонаучном познании как таковом [60] может быть соотнесено с той лингвофилософской ситуацией, когда на первый план в анализе языка выдвигаются эгоцентрические и, шире, когнитивные моменты и факторы. Представляет интерес в этой связи выделение концептов, роль которых возрастает параллельно в современных естественных и гуманитарных науках. Так, понятие (само)организации оказывается значимым как для нелинейного мышления — естественнонаучного по своей основной направленности, так и для когнитивного подхода к языку (ср., в частности, явление "самоорганизации текста" [7, с. 396—397]).

Интерпретация в терминах парадигм философии языка "стилей мышления", выделяемых в социологии знания (социологии культуры), показывает, что им в той или иной мере присуща своеобразная лингвофилософская плюралистичность. Иными словами, тот или иной социокультурный стиль мышления потенциально содержит в себе предпосылки разнонаправленного ("разнопарадигматического") философско-языкового движения. При этом одно из направлений является доминирующим (по крайней мере, наиболее вероятным). Ср. возможность установления аналогий между гносеологическим движением от философии имени — через философию предиката — к прагматической (или даже когнитивной) парадигме философии языка и движением от биоморфического стиля мышления к синтетическому, в интерпретации М. Шелера. Такое положение дел может рассматриваться как подтверждение точки зрения, согласно которой типичное состояние философии языка представляет собой состояние суспензии, смеси противоречивых признаков и незавершенных поисков определенности [14, с. 93]. Отметим здесь и принадлежащую Ю.С. Степанову и В.В. Петрову идею — высказанную в устном общении с автором настоящей статьи — о перспективности соотнесения с парадигматическим развитием понятия турбулентности⁶

⁶ Говоря выше о возможности обнаружения параллелей между сменой социокультурных типов мышления и лингвофилософским движением от именного к прагматическому и когнитивному, мы использовали главным образом идеи М. Шелера (практически не вводившиеся ранее в контекст теоретической лингвистики). Однако постулируемые аналогии прослеживаются и при трактовке "стилей мышления" в иных концептуальных рамках. Можно упомянуть в данной связи, например, различение перцептивного, операционального и коммуникативного стилей, концепцию "гуманитарной" и "мозаичной" культуры (А. Моль) [7, с. 397—398].

Действительно, историко-научное "движение" многих лингвофилософских (шире — гуманитарных) концепций и точек зрения может быть концептуально сопоставлено с описываемой в гидродинамике ситуацией, когда некоторые характеристики "испытывают хаотические флуктуации и потому изменяются от точки к точке и во времени нерегулярно" [61]. Характерно, что в физических исследованиях по проблеме турбулентности подчеркивается: "Область исследования здесь необычайно обширна, поскольку охватывает анализ всех зависящих от времени явлений" [62, с. 5], т.е. также и социокультурных явлений типа "научные парадигмы". Зависимость от времени — как внутринаучного, так и общекультурного — бесспорно, может быть приписана и философско-языковым построениям. Даже в сфере естественных наук исследователи, отмечая широту и вариативность предмета теории турбулентности, указывают, что между входящими в него динамическими системами существует не только внешнее — статистически эксплицируемое — сходство, но и внутренняя аналогия, которая и делает возможным единый подход к их исследованию ("Мы имеем в виду не статистический или стохастический подход и не внешнее сходство явлений на описательном уровне" [61, с. 9]).

Так или иначе, между детерминистским подходом к турбулентности и лингвистическим — металингвистическим — развитием обнаруживаются определенные параллели. Ср.: "Новая нелинейная физика занимается изучением интереснейших явлений: турбулентности и колебаний в физико-химических и биологических системах. Хаотические и причудливые, почти непредсказуемые внешние эффекты ныне уступают место неожиданной концептуальной унификации на основе таких понятий, как бифуркации, странные аттракторы, показатели Ляпунова и т.д." [61, с. 9]. Сходным (по крайней мере сопоставимым) образом полиинтенциональная и отчасти хаотичная, во всяком случае не всегда отчетливо концептуализированная исследовательская ситуация в философии языка концептуально унифицируется с помощью понятия лингвофилософской парадигмы и блока понятий, производных от него или по крайней мере имплицитивно с ним связанных (подробнее см. [9, с. 11—17]).

В современном науковедении выявляются черты сходства между когерентными феноменами в сфере культуры и науки и явлениями, которые могут описываться через понятие турбулентности и другие концепты вероятностной направленности [63]. Приведем, например, точку зрения, согласно которой "монадологический" подход к соотношению культуры и науки (в котором постулируется своего рода равноправие целого и части) предполагает "... не жесткий, а скорее вероятностный тип взаимодействия, для которого характерно наличие и расходящихся линий возможного развития, и точек бифуркации" [64]. Более того, в наблюдениях такого рода подчеркивается значимость понятий рефлексивного и парадигматического, базисных для нашего исследования (ср.: «Испытывая теорию на "надежность", рефлексия является источником тех "флуктуаций" в ее развитии, которые обуславливают периодические неустойчивые состояния» [65]; см. также [66; 12, с. 140]).

Очень интересным кажется выявление основных параметров, порождающих турбулентность в движении (развитии) лингвофилософских парадигм. Прежде всего здесь следует назвать социокультурный стиль мышления — причем рассматриваемый не только в его собственно научных, но и в более широких, действительно общекультурных реализациях (такой подход, в свою очередь, дает хорошие возможности для поиска тех черт, которые роднят науку с гуманистикой [67, с. 22]), аксиологические структуры научных концепций (образующие достаточно сложные единства [68]), личностно-психологические (связанные с широко понятой субстантивностью исследователя) моменты, наконец, свойства самого языка (разумеется, также "преломленные" в теоретическом сознании). Последний тип "предпосылок турбулентности" последовательно анализируется в яркой концепции М.К. Петрова (ср., в частности, выделение трех

фундаментальных "замыканий" на языковые структуры в истории европейского социального кодирования [33, с. 284, 293]).

Не менее значимым является исследование закономерностей взаимодействия (по крайней мере — взаимовлияния) названных параметров, что, очевидно, может рассматриваться как реализация детерминистского подхода к турбулентности. Разумеется, ситуация в данном случае очень далека от простого суммирования (или "взаимовычеркивания") различных моментов. Тем не менее именно на таком пути, по-видимому, существует возможность создания объясняющей (по крайней мере — реконструктивистской [67, с. 136]) истории философии языка.

5

Возвращаясь к положениям, сформулированным в начале статьи, можно сделать вывод, что отсутствие жестких границ между различными лингвофилософскими парадигмами определяется не только взаимосвязанностью универсально-смысловых категорий языка, но и внешними, социокультурными причинами. Напомним в данной связи, что вполне адекватное (прагматически и гносеологически) использование концепта парадигмы применительно к философско-языковому материалу предполагает отказ от "узко-куновского" (точнее "догматически-куновского") понимания парадигмы (как общепризнанного образца постановки и решения научных задач). При оперировании данным понятием имеются в виду прежде всего общие представления и постулаты (а также соответствующие им операционные дефиниции) о природе того или иного широкого языкового класса, используемые для описания входящих в него единиц, а часто и единиц других классов. Концепт парадигмы при таком подходе имеет немало черт сходства с понятием гносеологических оснований теории, обладая, однако, гораздо более отчетливыми метанаучными и социокультурными коннотациями (и импликациями) [1, с. 19—20].

Намеченный подход позволяет включать в сферу анализа как узувальные, социально-культурные, так и психологические [69] (личностные), шире — субъективные (интерсубъективные) моменты парадигмы, причем рассматриваемые в тесном соотношении с ее общими характеристиками, "первофеноменами культурно-исторической периодики" [68, с. 128—129]⁷. (Здесь можно привести суждение Дж. Александера, согласно которому основное отличие между социальными и естественными науками состоит не в факте субъективной ориентации, а в отсутствии консенсуса по поводу того, какими — на той или иной стадии развития науки — являются подлинные субъективные ориентации (what the proper subjective orientations are [32, с. 2].) В конечном счете у исследователя философии языка при такой познавательной ориентации возникает возможность не только "увидеть мышление эпохи" в мышлении того или иного "философа языка", но и "понять это мышление в его движении к пределу, в его способности рефлексировать и трансформировать самого себя" [13, с. 24]. Лингвофилософские построения дают для этого неплохие шансы.

Динамичность, все более очевидно проявляющаяся, развертывания лингвофилософских и лингвокультурных интерпретаций языковых категорий оказывается для исследователя, даже такого, который не включает последовательно в свой анализ метанаучные построения, своего рода компенсацией некоторой статичности, как бы "априорной данности" [1, с. 261; 7, с. 400—401] самих категорий. (Такая ситуация, как кажется, может описываться в духе идей Фейерабенда: «Ученый, заинтересованный в получении максимального эмпирического содержания и желающий понять как можно больше аспектов своей теории, примет плюралистическую методологию и будет сравнивать теории

⁷ Ср., например, у М. К. Петрова о "страхе" Платона перед неустранимой из флективных языковых структур проблемой выбора [33, с. 204].

друг с другом, а не с "опытом", "данными" или "фактами". Альтернативы, нужные для поддержания дискуссии, он вполне может заимствовать из прошлого... Исчезают границы между историей науки, ее философией и самой наукой» [70]. Впрочем, именно эта данность (и взаимосвязанность) категорий является необходимой предпосылкой, даже источником, познавательного "единства многообразия", которое отчетливо проступает в философии языка.

Такое единство порождается также тесными связями лингвофилософских построений с "социальным бессознательным", которое задает и жесткость "границ культуры", и их взаимопересечение. В этом смысле перспективы когнитологического подхода к философии языка оказываются почти необозримыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руденко Д.И. Имя в парадигмах "философии языка". Харьков, 1990.
2. Руденко Д.И. Категория имени в основных парадигмах "философии языка": Автореф. дис. ...док. филол. наук. М., 1990.
3. Степанов Ю.С., Демьянков В.З. Философия языка // Современная западная философия. М., 1991.
4. Береговой И.И. Категориальный синтез логического знания. Львов, 1990.
5. Луценко Н.А. Грамматические категории в системе и узусе (русские глагол и имя): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Днепрпетровск, 1990. С. 5—6.
6. Бацевич Ф.С. Глагол в "межпарадигматическом" аспекте изучения // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991.
7. Руденко Д.И. От взаимосвязи категорий к взаимопроникновению парадигм // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 2. Харьков, 1991.
8. Thorne T. Referential-semantic analysis. Cambridge, 1980. P. 214.
9. Руденко Д.И. Метаэллипсология А.Л. Факторовича // Факторович А.Л. Выражение смысловых различий посредством эллипсиса. Харьков, 1991.
10. Автономова Н.С. Рефлексия в науке и философии // Проблемы рефлексии в научном познании. Самара, 1983. С. 23.
11. Романов В.Н. Историческое развитие культуры: Проблемы типологии. М., 1991.
12. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
13. Библер В.С. Кант — Галляей — Кант: Разум Нового времени в парадоксах самообоснования. М., 1991.
14. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
15. Степанов Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991.
16. Стюарт Дж. Возвращаясь к символической модели: нерепрезентативная модель природы языка // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990.
17. Сватко Ю.И. Типы парадигм и концепций: текстовый уровень взаимодействия // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. 1. Ч. 1. Харьков, 1991. С. 21.
18. Серль Дж. Природа интернациональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 107.
19. Маттёус Ю. Проблема бытия "материальных вещей" в феноменологии Э. Гуссерля // Уч. зап. Тартуск. ун-та. 1988. Вып. 829.
20. Руденко Д.И. Лингвистические идеи К. Айдукевича в контексте славянской традиции "философии языка" // Материалы II Международного семинара "Славянская культура в современном мире". Киев, 1991.
21. Ajdukiewicz K. Język a poznanie. T. 1. Warszawa, 1960.
22. Кобозева И.М. Интенсионал предложения и интенция говорящего // Анализ знаковых систем. История логики и методология науки. Киев, 1986.
23. Мельников Г.П., Преображенский С.Ю. Методология лингвистики. М., 1989.
24. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.
25. Kripke S. Naming and necessity // Semantics of natural language. Dordrecht, 1972.
26. Пхакадзе И.Г. Недостижимые достижимые миры: Семантика возможного и языковая относительность. Тбилиси, 1991. С. 116—117.
27. Хинтиikka Я. Ситуация, возможные миры и установки // Знаковые системы в социальных и когнитивных процессах. Новосибирск, 1990.
28. Kripke S. Speaker's reference and semantic reference // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Minneapolis, 1979.
29. Donnellan K.S. Speaker reference, descriptions, and anaphora // Contemporary perspectives in the philosophy of language, Minneapolis, 1979.
30. Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // ВЯ. 1988. № 3. С. 63—64.

31. Панин А.В. Является ли дихотомия эмпирического и теоретического исчерпывающей в методологии научного познания? // ФН. 1986. № 2. С. 72.
32. Alexander J. Theoretical logic in sociology. V. 2. Berkeley, Los Angeles, 1982.
33. Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.
34. Руденко Д.И. Категория имени: как разрушить парадигму? // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Вып. 3. Ч. 1, Харьков, 1989.
35. Руденко Д.И. Лінгвістичні ідеї Т. Котарбінського (система імен) // Проблеми слов'янознавства. Вип. 39. Львів, 1989.
36. Руденко Д.И. Лінгвістичні ідеї у науковій спадщині К. Твардовського // Проблеми слов'янознавства. Вип. 41. Львів, 1990.
37. Руденко Д.И. Львовско-Варшавская философская школа и "философия имени" // Функція в мові, логіці та математиці Т.І. Тернопіль, 1990.
38. Поляков И.В. Парадигмы в философии языка: семантический анализ // Концептуализация и смысл. Новосибирск, 1989. С. 99.
39. Рабинович В.Л. Исповедь Книгочея, который учил буквы, а укреплял дух. М., 1991.
40. Огурцов А.П. Генезис рефлексивной установки в гносеологии Нового времени // Проблемы рефлексии в научном познании. Самара, 1983.
41. Лосева И.Н. Теоретическое знание: проблемы генезиса и различения форм. Ростов-на-Дону, 1989.
42. Scheler M. Problemy socjologii wiedzy. Warszawa, 1990.
43. Никич Г.А. Владимир Брайнин. М., 1991. С. 13.
44. Павличенко С. Емліл Дікінсон: поезія скептичного ума // Дікінсон Е. Лірика. Київ, 1991. С. 30.
45. Обухова Э.А., Семчук Ю.О., Юхт В.В. Слово и имя в поэзии Осипа Мандельштама // Проблемы изучения поэзии О.Э. Мандельштама в педагогическом вузе. Харьков, 1990.
46. Проскурин С.Г. Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. С. 7.
47. Проскурин С.Г. Мифопоэтический мотив "мирового дерева" в древнеанглийском языке и англосаксонской культуре (концептуальный анализ) // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 124.
48. Кислов А.Г. Генетическая связь факта и теории в научном познании: Автореф. дис. ...канд. филос. наук. Екатеринбург, 1990.
49. Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. Paris, 1985.
50. Методологическое сознание в современной науке / Отв. ред. Йолон П.Ф. Киев, 1989. С. 43.
51. Кузнецкий Николай. Об ученом незнании // Николай Кузнецкий. Соч.: В 2-х т. М., 1979. Т. 1. С. 89.
52. Руденко Д.И. Имена естественных классов, собственные имена и имена номинальных классов в семантике естественного языка // ИАН СЛЯ. 1987. № 1. С. 23.
53. Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового времени (Философский аспект проблемы). М., 1989.
54. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // ВФ. 1989. № 2. С. 38.
55. Генис А. Иван Петрович умер: Писатель как современник // Независимая газета. 1992. № 8. С. 7.
56. Степанов Ю.С. Пор-Рояль в европейской культуре // Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990.
57. Ромашко С.А. "Язык": структура концепта и возможности развертывания лингвистических концепций // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 162—163.
58. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3-х т.: Т. 1. М., 1985. С. 530.
59. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев, 1990. С. 129.
60. Шкода В.В. Оправдание многообразия (Принципы полиморфизма в методологии науки). Харьков, 1990. С. 53—54, 164—165.
61. БСЭ. 3-е изд. Т. 26. М., 1977. С. 324.
62. Берже П., Помо И., Видаль К. Порядок в хаосе: О детерминистском подходе к турбулентности. М., 1991.
63. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987. С. 43.
64. Юдин Б.Г. Наука, культура и научные революции // Научные революции в динамике культуры. Минск, 1987. С. 134.
65. Бажанов В.А. К вопросу о механизмах саморефлексивности науки // Проблемы рефлексии в научном познании. Самара, 1983. С. 67.
66. Шелепин Л.А. Вдали от равновесия. М., 1987. С. 57—59.
67. Метод исторической реконструкции в истории науки (История науки в контексте культуры) / Отв. ред. Геворкян Г.А. Ерван, 1990.
68. Бургин М.С., Кузнецов В.И. Аксиологические аспекты научных теорий. Киев, 1991.
69. Marková I. Paradigms, thought and language. Chichester, 1982. P. 1—2.
70. Фейерабенд П. Избр. тр. по методологии науки. М., 1986. С. 179—180.